

И теперь я спросил Гаврилова:

— Вы по какому дѣлу судились? Правда, что вы были эсэромъ?

— По крестьянскому дѣлу насъ судили... А что объ эсэрахъ, такъ неправда это совсѣмъ. Какимъ я эсэромъ былъ? Я, почитай, въ тюрьмѣ-то только и узналъ, чего социалисты хотятъ. И какъ я понимаю, совсѣмъ это для насъ, мужиковъ, неподходящее... хотя, можетъ, вамъ, какъ людямъ ученымъ, лучше все извѣстно. А что на судѣ показывали, что я тогда супротивъ помѣщиковъ и начальства шелъ, вѣрно это. Противъ я ничего не скажу. Только нужно, господинъ, и то въ разсужденіе взять, какое время-то тогда было. Вотъ и земскаго нашего начальника за эти же самыя дѣла въ тюрьму засадили. Изъ сосѣдняго уѣзда двухъ учителей да врача казеннаго въ Сибирь куда-то угнали. Помѣщика нашего, господина Малишевскаго, дочка за это же и теперь еще въ тюрьмѣ сидитъ. А образованная, въ Петербургѣ училась! Да и все вѣдь господа, образованные люди. Такая ужъ линия тогда выходила. Съ нашего брата, мужика, и спрашивать меньше бѣ должны, мы вѣдь по дурости своей больше, по темнотѣ...

Гавриловъ говорилъ такъ, какъ будто онъ оправдывался передо мной, стараясь убѣдить меня написать ему прошеніе о помилованіи.

Я спросилъ его:

— Что же, теперь вы считаете, что были неправы, что шли противъ помѣщиковъ и противъ начальства? Не слѣдовало этого дѣлать?

— А кто разберетъ? Можетъ, слѣдовало, а можетъ, и нѣтъ. Плохо-то живемъ мы, вѣрно это. А начальство — для кого плохое выходитъ, а для кого и хорошее. Можетъ, и правда, что тогда у насъ на сходѣ ораторъ говорилъ: по иному, молъ лучше бѣ жить стало... А можетъ,

и хуже прежняго пошло бы... Кто разберетъ? Хочешь лучше, а оно на худшее выдетъ... Думалъ, ужъ такъ плохо, такъ плохо, что хуже и быть нельзя... А оно такъ обернулось, что тогда хорошо было, а теперь самъ себя погубилъ...

Медленно, сбивчиво и неуклюже говорилъ Гавриловъ. А затѣмъ прибавилъ увѣренно и твердо:

— Только не слѣдъ бы мнѣ, съ семьей-то на шеѣ, въ такія дѣла лѣзть. Говорили у насъ мужики въ ту пору: плохо живемъ... нужда одолѣла... голодь... земли нѣтъ! Вотъ и сдѣлали себѣ лучше! Да мнѣ бы теперь хоть годъ такъ пожить, какъ прежде мы, до забастовокъ, жили! Кажись, не зналъ бы, какъ Бога благодарить. У насъ, бывало, говорятъ: не жизнь, молъ, у насъ, мужиковъ, а каторга. То-то и говорятъ, чего не знаютъ...

— А развѣ хорошо вамъ жилось?

— Кто скажетъ, что хорошо? А все же, какъ ни есть, а жили себѣ... А перемѣнить захотѣли, — и хуже сдѣлали. И я такъ думаю, что не просто это такъ вышло.

— То-есть что именно?

— А все... Я по-ученому объяснить-то не умѣю. А только, намъ не напротивъ идти надо, а такъ, чтобы польза была. Напротивъ идти, — ничего не получишь. Ораторы тоже пріѣзжали. Я слушалъ, слушалъ: за насъ, кажись, говорятъ. Самое для насъ нужное. А вышло такъ, что насъ же подъ разстрѣлъ, да подъ висѣлицу, да подъ каторгу подвели. Уговорили! Тамъ противъ царя, что ли, пошли... забастовки разныя устраивать начали. Ну, и достигли. Выходить, я тогда дуракомъ былъ. А придишь теперь случай, я бы такого оратора угостилъ...

Лицо Гаврилова приняло мрачное выраженіе, и онъ сжалъ кулакъ.

— Спасибо, дядя, что предупредилъ! — замѣтилъ я съ

укоромъ. — Коли придется мнѣ въ вашей деревнѣ бывать, въ хату Гаврилова не постучусь.

Гавриловъ сконфузился и, полагая, что лично обидѣлъ меня, постарался загладить неловкость:

— Да развѣ я, господинъ, человѣка не разберу? Развѣ мы звѣри? Вотъ вы дай вамъ Богъ здоровьица, письмецо моей Марѣ написали... Прощеньице, можетъ, тоже напишете? Развѣ я вашу милость забуду? Я только сказать не умѣю... Такъ вы темноту-то мужицкую простите.

— Да за что простить? Мнѣ на васъ обижаться не съ чего. Только не понимаю, что вамъ «ораторы» плохого сдѣлали?

— А то сдѣлали, что черезъ нихъ и смутеніе-то у насъ пошло.

— Какъ черезъ нихъ?

— Да такъ, что они рассказывать стали: то нехорошо, это нехорошо...

— А безъ нихъ вы слѣпы, что ли, были?

— А то нѣтъ? Мы люди темные, сами ничего не поймемъ.

— Значитъ, черезъ нихъ-то, по крайней мѣрѣ, поняли?

— Поняли, да не то, что нужно намъ, по нашему положенію...

— Да что же вамъ нужно?

— То нужно, что живи себѣ человѣкъ, какъ умѣешь. Другого не тронь, — и тебя не тронутъ. Смутеніемъ ты себѣ не поможешь. Хоть какъ тамъ, — а живи. Этой-то правды ораторы, небось, не сказали? А здѣсь-то она, первая правда, и есть.

Неожиданно Гавриловъ принялся рассказывать про брата своей жены.

— Степана мы тогда за послѣдняго человѣка считали за то, что онъ отъ мірскаго дѣла сторонился. Сколько

разъ я ему выговаривалъ: дуракъ ты, дуракъ! Ничего не смыслишь, а хочешь умнѣе образованныхъ людей быть. А онъ мнѣ все говорилъ: не я, дескать, дуракъ, что въ сторонѣ этого; а вы дураки, что впередъ лѣзете! А теперь такъ оно и вышло, что мы дураками передъ нимъ оказались... Спасибо еще, что въ бѣдѣ насъ не вовсе оставилъ, семьѣ помогаетъ!

Я слушалъ тягучія рѣчи крестьянина и думалъ о безнадёжно тупой покорности судьбѣ, къ которой пришелъ этотъ человѣкъ. Одинъ разъ въ жизни осмѣлился онъ смутно мечтать о лучшей участи, и вотъ теперь проклинаетъ тѣхъ, кто зажегъ въ его душѣ эту мечту! Этотъ раскаивающійся «поправъшій» аграрникъ казался мнѣ воплощеніемъ вѣчной покорности. Покорность звучала въ его голосѣ, покорность смотрѣла изъ его глазъ. И ясно говорила эта покорность о крушеніи всѣхъ надеждъ, объ отчаяніи безысходномъ.

Въ концѣ концовъ, я написалъ Гаврилову прошеніе о помилованіи.

Приходилось писать такіа прошенія и другимъ аграрникамъ. Иные изъ нихъ были на волѣ настолько несознательны, что ихъ никакъ нельзя было считать «поправъшими» въ тюрьмѣ. Другіе, наоборотъ, вполне опредѣленно отрекались отъ минувшаго увлеченія, и отрекались чаще всего такъ же откровенно, такъ же рѣзко, какъ Гавриловъ. И такъ же, какъ у Гаврилова, безпомощно путалась ихъ мысль при попыткѣ опредѣлить причину постигшаго ихъ несчастья.

«Поправъшіе» солдаты и матросы-повстанцы были непохожи на «поправъшихъ» аграрниковъ. Эти тоже покорились желѣзной рѣшѣткѣ, но въ ихъ покорности не было той простоты, пассивности, какъ въ «стихийной» покорности крестьянъ, въ нихъ чувствовалась какая-то глухая озлобленность, не находящая себѣ выхода.

Они легко писали прошения о помиловании. Получив отказ на одно прошение, тотчас принимались сочинять другое, позабывшее. Всего усерднее подчеркивали они в этих прошениях свою готовность «вѣрной службой царю и отечеству, вѣрной защитой престола отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ загладить свою вину и великій свой грѣхъ передъ Богомъ и передъ родиной». Короче, при составлении этихъ прошений они пускали въ ходъ весь цвѣтистый жаргонъ полковой литературы. Иныя изъ солдатскихъ прошений представляли собой цѣлыя произведения искусства. Въ тюрьмѣ у нихъ были свои мастера-специалисты по изготовлению прошений, работавшіе иной разъ бесплатно, иной разъ за деньги. Но плату за трудъ они брали, во всякомъ случаѣ, невысокую: 1 рубль, — 50 копеекъ, рѣдко больше.

Не вполне довѣряя своимъ искусникамъ, солдаты-подавцы иной разъ приносили мнѣ свои прошения:

— Посмотрите, дескать, товарищъ, правильно ли здѣсь все поставлено? Можетъ быть, здѣсь что-нибудь не такъ написано? ..

Чаще всего подавцы сами стыдились немного своихъ прошений. Бывало, просматриваю я прошение, а «поправѣвшій», кающійся солдатъ сидитъ здѣсь же рядомъ и поясняетъ:

— Я его не просилъ совсѣмъ писать про враговъ «внѣшнихъ и внутреннихъ». Это онъ отъ себя вставилъ. Да ничего... Этакъ оно лучше выходитъ. Пускай думаютъ тамъ, что совсѣмъ я на ихъ сторону перешелъ. Вѣдь на это скорѣе вниманіе обратятъ... Правда, товарищъ?.. А я-то, вѣдь, какимъ былъ, такой и остался. Я, товарищъ, завсегда на все готовъ. Здѣсь-то я только для нихъ поставилъ... Дымъ въ глаза пускаю...

Возвращая ему прошение, я указывалъ на то, что въ прошеніи много лишняго:

— На что вашъ мастеръ здѣсь столько черносотенства пустилъ: «жида», «крамольники», «кровь свою пролить» — все это совершенно лишнее.

— А какъ же безъ этого?

— Если ужъ рѣшили писать, пишите по формѣ: о семьѣ упомяните, и только. Больше ничего не нужно.

— Да вѣдь всѣ такъ пишутъ, какъ здѣсь, вотъ, написано. Про жидовъ онъ, правда, зря написалъ... Но и безъ этого не знаю какъ. Измѣнить, говорите, слѣдуетъ?

— Пишите, какъ знаете. Только такое прошение подавать стыдно.

— Я, товарищъ, подумаю... Можетъ быть, иначе какъ-нибудь напишу... А здѣсь-то больно хорошо поставлено насчетъ того, чтобы грѣхъ загладить.

Но, въ концѣ-концовъ, солдатъ подавалъ все же прошение съ «жидами» и «крамольниками». И мнѣ всегда казалось, что эти конфузующіеся нерѣшительные подавцы въ своихъ прошенияхъ искреннѣе, чѣмъ въ своихъ оговоркахъ къ этимъ прошениямъ. Искренни въ выраженіи своей готовности «загладить вину».

Но стоило заговорить съ ними о начальствѣ, объ офицерахъ, о судьяхъ, о правительствѣ и т. д., — куда только дѣвались ихъ лояльныя чувства! Въ ихъ рѣчахъ звучала тогда самая неподдѣльная ненависть къ тѣмъ побѣдителямъ, которые замуrowали ихъ въ тюремныхъ стѣнахъ.

И здѣсь не было противорѣчія. Какой-нибудь случайный солдатъ-каторжанинъ отъ всей души ненавидѣлъ все начальство, въ которомъ видѣлъ своихъ тюремщиковъ-мучителей. Но оно было для него непобѣдимой, всемогущей силой. Только милость начальства могла вернуть ему жизнь и волю и, чтобы угодить начальству, онъ съ готовностью застрѣлил бы отца, перегрызъ бы горло брату.

Это было, воистину, жалкое зрѣлище.

Правда, не всѣ солдаты-подаванцы были таковы. Иные подавали прошенія о помилованіи, наполненные выраженіями раскаянія, просто «такъ себѣ», на авось: можетъ быть, поможетъ выкрутиться. Эти тоже были «поправѣвшими», но все же у нихъ сохранялось извѣстное понятіе о чести, и они не согласились бы подписать «слишкомъ» забористое прошеніе, не согласились бы также прибѣгнуть къ доносу или предательству. Такъ далеко ихъ «поправѣніе» не шло.

Но нѣкоторые начинали заглаживать свою вину усердной борьбой съ «врагами царя и отечества» еще въ тюрьмѣ, выслѣживая крамолу среди товарищей. Это было вънцомъ «поправѣнія».

Попадались «поправѣвшіе» и среди масовиковъ-политиковъ, рабочихъ и разночинцевъ. Эти были всего разнообразнѣе, и въ ихъ «поправѣніи», пожалуй, всего ярче проявлялось дѣйствіе желѣзной рѣшетки на психологію узниковъ.

«Поправѣвшіе» рабочіе иногда выражали свое раскаяніе въ такихъ прошеніяхъ, что лицемѣрная лживость ихъ была въ глаза изъ каждой строчки. И если когда-нибудь историкъ нашего кошмарнаго времени будетъ разбирать архивы канцеляріи по приему прошеній на Высочайшее имя, онъ найдетъ тамъ много матеріаловъ для характеристики этого тюремнаго «поправѣнія» и «поправѣнія» вообще.

У меня сейчасъ нѣтъ этихъ документовъ подъ рукой, а приводить ихъ на память не стоитъ, но все же я познакомлю читателя съ отрывками изъ одного такого прошенія. Авторъ его — вполне интеллигентный рабочій большого механическаго завода. На волѣ онъ былъ членомъ партіи, но попалъ въ тюрьму не за партійное дѣло, а за какую-то довольно темную экспроприацію. Въ тюрьмѣ держался, какъ «непримиримый» революціонеръ, и поль-

зовался среди товарищей большимъ уваженіемъ. И вдругъ оказалось, что этотъ «непримиримый» подаль прошеніе о помилованіи, да еще какое прошеніе!

Обнаружилось это совершенно случайно. Одинъ изъ тюремныхъ надзирателей выругалъ политическаго площадными словами. Тотъ отправился по этому поводу къ начальнику тюрьмы объясняться. Начальникъ его принялъ довольно нелюбезно и, выслушавъ заявленіе, сказалъ:

— Ну, и выругался надзиратель! Эка важность! Надзиратели у меня въ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ не обучались! Мало и вы межъ собой ругаетесь...

— Политическіе всегда старались...

— Политическіе, политическіе! Плевать мнѣ на вашу политику! Если хотите знать цѣну вашей политикѣ... вотъ, читайте!

Начальникъ протянулъ арестанту листъ бумаги, сложенной вчетверо, какъ складываются прошенія. Смѣясь, онъ развернулъ бумагу и пододвинулъ ее по столу къ арестанту:

— Видите? Канцелярія по приему прошеній... Руку своего товарища узнаете? Фамилію эту знаете?

Арестантъ немного смутился, но, подозрѣвая ловушку, сказалъ довольно рѣшительно:

— Намъ не о чемъ толковать. А ваши конторскія бумаги меня не интересуютъ.

И онъ двинулся къ двери. Но начальникъ остановилъ его:

— Нѣтъ, послушайте! Я, вотъ, прочту вамъ... Ей-Богу занятно. «Въ канцелярію по приему прошеній... ссыльно-каторжнаго...» Это все по формѣ... «Всемило-стивѣйшій Государь! Августѣйшій Монархъ. Всеподданнѣйше припадая къ стопамъ»... Ишь, сволочь, и форму знаетъ... А вотъ его собственное начинается... Слушайте! «Я былъ неопытнымъ юношей, когда злодѣи увле-

кли меня на путь преступлений, усыпивъ лукавыми рѣчами мою совѣсть. Только подъ вліяніемъ рѣчей злодѣвъ-подстрекателей могъ я забыть на время, что я русскій человѣкъ, и нарушить долгъ вѣрности обожаемому монарху, который подсказывало мнѣ мое русское сердце даже въ дни самаго глубокаго моего паденія...» Хорошо? А? Слушайте-ка дальше — еще лучше есть... «Я былъ безъ работы. И злодѣи воспользовались моей растерянностью и бѣдственнымъ моимъ положеніемъ, чтобы соблазнить меня... Одинъ изъ рабочихъ завода, съ котораго я былъ разсчитанъ, настоящій волкъ въ овечьей шкурѣ, позвалъ меня къ себѣ. Я, какъ неопытный юноша, пошелъ къ нему. У него на квартирѣ было собраніе, первое преступное собраніе, на которое я попалъ, не подозревая даже, что стремлюсь къ собственной гибели. На собраніи говорилъ рѣчь какой-то молодой человѣкъ еврейскаго типа съ длинными волосами и горящими глазами!» Ха-ха-ха! Хорошо? А? Интересно? А тутъ вотъ: «Жида толкнули меня на путь преступленія, вложили мнѣ въ руку оружіе для убійства. Погубили меня тѣ же злодѣи, которые губятъ всю русскую землю... Ну, здѣсь о старушкѣ-матери идетъ и о маленькихъ сестрахъ... Какъ во всѣхъ прошеніяхъ, — это неинтересно. А вотъ самый конецъ: «...чтобы могъ я загладить свой великій грѣхъ передъ Богомъ и людьми своей беззавѣтно вѣрной службой Престолу и борьбой съ тѣми забывшими Бога злодѣями и жидами, которые губятъ русскую землю. Всю жизнь свою отдамъ я этой борьбѣ»... Вотъ оно, какъ ваши товарищи пишутъ. Ха-ха-ха!

Арестантъ вышелъ изъ конторы, какъ оплеванный.

Къ вечеру вся тюрьма знала объ этомъ прошеніи, но авторъ его категорически заявилъ, что ничего подобнаго не писалъ. Пошли въ контору для выясненія этого недоразумѣнія. Начальникъ, торжествуя униженіе политиче-

скихъ, снова досталъ прошеніе и со вкусомъ и чувствомъ прочелъ его вслухъ. Посмотрѣли подписи и почеркъ: сомнѣній не могло быть. Тюрьма была потрясена этимъ случаемъ. Но авторъ прошенія заявилъ рѣшительно и твердо:

— Отчета въ своихъ поступкахъ я давать никому не намѣренъ. На васъ всѣхъ и на ваши резолюціи мнѣ наплевать. А показывать вамъ мое прошеніе начальникъ не имѣлъ права.

Отъ него отвернулись, какъ отъ зачумленнаго.

Впрочемъ, этотъ случай почти исключительный. Существуютъ вѣдь и другія, болѣе скромныя формы для того, чтобы отказаться отъ старыхъ увлеченій.

Самая скромная форма «поправѣнія» — исповѣданье стараго русскаго правила: моя хата съ краю, ничего не знаю. Въ примѣненіи къ тюремнымъ условіямъ это правило означаетъ: на волѣ никакого касательства къ революціи я не имѣлъ; въ тюрьму посадили меня по ошибкѣ; и впредь, по выходѣ изъ тюрьмы, я буду держаться въ сторонѣ.

Зналъ я въ тюрьмѣ одного немолодого желѣзнодорожнаго служащаго. Это былъ очень маленькій человѣчекъ, слабый и хилый, но подвижной, живой, съ нѣкоторымъ огонькомъ. На волѣ онъ давалъ свою квартиру для собраній, для ночевокъ нелегальнымъ, для явокъ, для храненія литературы. Держалъ гектографъ, хранилъ одно время печать и даже взялся собирать въ пользу партіи деньги по чековой книжкѣ. Первое время послѣ ареста онъ охотно разсказывалъ о своей дѣятельности, явно гордясь своими революціонными знакомствами и тѣмъ, что онъ, маленький человѣкъ, все же могъ «послужить великому дѣлу». Жестокій приговоръ суда поразилъ его; тюрьма давалась ему, быть можетъ, тяжелѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Цѣлыми днями ходилъ онъ по камерѣ молчаливый, за-

думчивый. Со свиданий возвращался совершенно разстроенный съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами.

Маленькій человѣкъ убѣдился, что послѣдствія «служенія великому дѣлу» тяжелѣе, чѣмъ онъ думалъ раньше. И вотъ начало мѣняться его отношеніе къ этому дѣлу. Онъ уже неохотно говорилъ о своихъ знакомыхъ революціонерахъ, а про свою жизнь на волѣ рассказывалъ, какъ про самое спокойное существованіе мелкаго служащаго, ни въ чемъ не «замѣшаннаго», ничѣмъ не интересующагося. Обижался и пугался, когда къ этимъ его рассказамъ относились недовѣрчиво или насмѣшливо. Мечтая о томъ, какъ придется ему жить съ семьей послѣ тюрьмы, онъ подчеркивалъ неизмѣнно, что будетъ жить такъ тихо, уединенно, и замкнуто, какъ только возможно; будетъ избѣгать всякихъ знакомствъ; не будетъ ходить ни къ кому, не будетъ никого принимать у себя; не будетъ вмѣшиваться ни въ какія «глупости»; весь уйдетъ въ заботы о семьѣ, о дѣтяхъ.

Какъ ни мучился этотъ человѣкъ въ тюрьмѣ, онъ все же не подалъ прошенія о помилованіи.

— Не поможетъ это, — говорилъ онъ женѣ своей, упрашивавшей его подать такое прошеніе: — сколько народу подавало, да почти всѣмъ отказано. Досижу какъ-нибудь!

Въ этомъ «поправѣніи» не было ни измѣны, ни ренегатства, но это было несомнѣнно проявленіе душевнаго упадка. Это было вынужденное примиреніе человѣка побѣжденнаго и обезсиленнаго.

Прямую противоположность этому «поправѣвшему» желѣзнодорожнику представлялъ сидѣвшій въ нашей тюрьмѣ сельскій учитель Кирилловъ. Худощавый и длинный, съ блѣднымъ, желтымъ лицомъ, съ безпокойными глазами и нервными порывистыми движеніями, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, сильно потрепаннаго жи-

знью. Казалось, всю жизнь свою онъ голодалъ и хворалъ, и жизнь сохранилась въ его тѣлѣ какимъ-то чудомъ.

На волѣ онъ былъ не крупнымъ, но дѣятельнымъ партійнымъ работникомъ. Служа въ глухой деревнѣ, онъ велъ пропаганду среди крестьянъ, распространялъ литературу, доставлялъ связи съ другими учителями губерніи и вѣчно организовывалъ что-нибудь — то крестьянскій союзъ, то учительскій съѣздъ, то какую-нибудь специальную мѣстную газетку. Въ партіи его считали человѣкомъ съ причудами, но цѣнили и уважали за беззавѣтную преданность партійному дѣлу.

Я его встрѣтилъ въ тюрьмѣ, когда онъ былъ еще послѣдственнымъ. Слѣдствіе по его дѣлу тянулось почему-то бесконечно долго. Онъ ждалъ суда уже третій годъ, и за это время тюрьма совершенно измучила его: онъ упалъ духомъ, вѣчно нервничалъ, жаловался на судьбу. Какъ человѣку до крайности экспансивному ему постоянно нужно было кто-нибудь, передъ кѣмъ онъ могъ бы излить свою душу.

Въ числѣ другихъ, приходилось выслушивать его изліянія и мнѣ. Онъ охотно и подробно рассказывалъ о своей дѣятельности на волѣ, особенно о своихъ организаторскихъ попыткахъ. Но всѣ свои рассказы неизмѣнно кончалъ жалобами:

— Я вотъ на части разрывался, — туда, сюда, повсюду. Минуты свободной не было... Въ городъ надо съѣздить, напимѣрь. Кому ѣхать? Тотъ занятъ, другой занятъ, у третьяго семья, у четвертаго лошади нѣтъ, у пятаго зубы болятъ... Пусть Кирилловъ ѣдетъ! Нужно литературу въ дальнюю волость отвезти. Опять Кирилловъ! Вотъ до тюрьмы и доѣздили... А изъ товарищей, вы думаете, хоть кто-нибудь позаботился навѣстить или помочь чѣмъ-нибудь? Никто! Я и подъ залогъ могъ выйти, и совсѣмъ

можно было бы все дѣло замѣть, если бы похлопотать кто-нибудь съ воли. Да развѣ ихъ это дѣло касается? Это урокъ мнѣ хорошій, чтобы впредь умнѣе быть. Теперь, если на волю выйду, пальцемъ о палецъ для другихъ не ударю. Довольно я поработалъ. Пусть другіе спину подставляютъ. Да-съ...

Онъ волновался, сердито брызгалъ слюной и отъ волненія мучительно кашлялъ, говоря объ этихъ «другихъ», для которыхъ онъ столько перенесъ и которые въ бѣдѣ не поддержали его. Я спросилъ:

— Кто эти «они», «другіе», на которыхъ вы все сердитесь?

— Какъ кто? Да товарищи... Хотя бы тѣ же учителя!

— А развѣ на волѣ вы для нихъ дѣлали что-нибудь?

— Вѣдь я говорилъ вамъ... Можетъ быть, вы моимъ словамъ не вѣрите?

— Не въ этомъ дѣло. Я только думаю: что вы дѣлали на волѣ, вы для себя дѣлали. Вамъ это доставляло удовольствіе, и требовать какого-нибудь особаго вниманія отъ оставшихся на волѣ товарищей вы не имѣете права.

— Ну, этой вашей философіи я не понимаю. Вы можете это какъ вамъ угодно понимать. Только будетъ съ меня этой науки. Пусть другіе дураками будутъ...

И ясно было, что это у него не пустые слова, что, выйдя на волю, онъ спрячется въ свою скорлупу и будетъ трусливо сторониться всего, что можетъ быть принято за «общественное» дѣло.

По суду учитель получилъ ссылку на поселеніе. Прощенія о помилованіи онъ не подалъ, со средой политическихъ не порвалъ. Но вскорѣ я потерялъ его изъ виду и не знаю, что стало съ нимъ впослѣдствіи.

У этого учителя «поправленіе» имѣло совершенно ясно выраженные черты психологическаго упадка. Но справед-

ливость требуетъ отмѣтить, что тюремное «поправленіе» иногда бывало свободно отъ такого упадническаго характера. Изъ числа «поправившихся», сохранившихъ извѣстную самостоятельность, извѣстное чувство собственного достоинства, особенно хорошо помню я одного рабочаго, Желѣзняка.

Желѣзняку, когда я познакомился съ нимъ, было не больше 25 лѣтъ, но по виду ему можно было дать 30 или 35. Его подвижное, немного нервное лицо обличало въ немъ умъ и энергію. Въ тюрьмѣ онъ держался очень независимо, нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, много читалъ и занимался. Читалъ больше всего по естественнымъ наукамъ, занимался преимущественно математикой. Его усидчивость и способность работать въ шумной переполненной камерѣ были изумительны.

Отъ другихъ я узналъ, что Желѣзнякъ сидитъ въ тюрьмѣ уже третій годъ. Несмотря на свою молодость, онъ былъ давнишнимъ партійнымъ работникомъ: въ партійный кружокъ онъ вступилъ въ 1899 году и съ тѣхъ поръ работалъ не переставая, такъ что единственные перерывы въ его дѣятельности составляла тюрьма.

Энергичнымъ и умнымъ человѣкомъ показался мнѣ Желѣзнякъ и въ тюрьмѣ. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ бесѣдовать съ нимъ, такъ какъ онъ часто обращался ко мнѣ за разъясненіями по поводу интересовавшихъ его вопросовъ изъ физики, геологіи и т. п. Я удовлетворялъ его любопытство, какъ умѣлъ. Но меня немного удивляло, что интересы его постоянно вращаются въ кругу этихъ наукъ.

Какъ-то разъ я спросилъ его:

— Вы только естественными вопросами интересуетесь, товарищъ?

— Да, вотъ занимаюсь помаленьку естественными науками. Жалѣю, что поздно началъ.

— Въ области этихъ вопросовъ у нашего брата всегда слабовато, — замѣтилъ я, — наверстываете?

— Нѣтъ, не наверстываю. Просто на другіе рельсы сталъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Да я съ тѣхъ поръ, какъ читать научился, и до тюрьмы только политическими да общественными вопросами и интересовался. Сперва брошюры читалъ, потомъ и къ серьезнымъ книгамъ перешелъ, но все изъ этой области. По исторіи читалъ, политическую экономію проходилъ, социологіей, антропологіей занимался... Все больше урывками, по тюрьмамъ да въ рѣдкіе свободные часы дома. У меня, знаете, на волѣ особое отношеніе къ книгамъ выработалось: если могу я изъ книги извлечь что-нибудь для кружка или для массовой, или, скажемъ, хоть для дискуссии, — полезная книга, стоитъ ее читать. Если такого матерьяла книга мнѣ не даетъ, — бесполезная, никчемная книга, и читать ее — только время терять. Признайтесь, вѣдь такъ на книги большинство партійной публики смотритъ... Да и вы меня спросили о моихъ занятіяхъ такъ, какъ будто удивляетесь: зачѣмъ это человѣкъ астрономіей да геологіей занимается, когда это время можно было бы потратить на изученіе IV-го тома «Капитала»? Правда вѣдь? Была у васъ эта мысль?

— Ничего подобнаго! — запротестовалъ я, — развѣ можно всегда однимъ и тѣмъ же заниматься!

— Ну, можетъ быть, вы этого и не думали. Но у другихъ партійцевъ прежде всего эта мысль явится. А знаете, какъ теперь я къ книгамъ отношусь и вообще къ наукамъ?

— Какъ?

— Я считаю, что зря потерялъ тѣ годы, когда учился только, чтобы для кружка или массовой зарядиться! И книги тѣ ненужны мнѣ были, и знанія тѣ — или вѣрнѣе

та поддѣлка подъ науку — все это было для меня лишнее. Эхъ! Если бы мнѣ съ самаго начала правильный путь указали, какъ учиться, сколько бы я уже сдѣлать успѣлъ! А теперь восемь лѣтъ жизни, и притомъ лучшіе годы, зря пропали.

— Какъ зря?

— Конечно, зря! Что я теперь знаю? Вотъ только въ тюрьмѣ, какъ слѣдуетъ, грамотно писать выучился и прошелъ кое-что. А на волѣ, что я за эти годы сдѣлалъ, что видѣлъ?

— Мнѣ передавали, что вамъ удавалось дѣлать не меньше, чѣмъ другимъ. А видѣли и пережили мы всѣ достаточно.

Желѣзнякъ скептически улыбнулся:

— Вы все на политику сворачиваете. А я вовсе не об этомъ. Что мнѣ съ того, что я пять лѣтъ вмѣстѣ съ другими возился надъ «развитіемъ классового самосознанія и сплоченности пролетаріата»? Вѣдь это — не жизнь. Вѣдь есть что-то выше, значительнѣе этого. А этого настоящаго я и не замѣтилъ...

— Вы какъ-то туманно выражаетесь. «Выше», «значительнѣе», «настоящее»... Что это такое?

— Да сама жизнь, какъ она есть, со всѣмъ тѣмъ, что можно отъ нея взять.

— А развѣ борьба — не жизнь?

— Нѣтъ, только часть жизни! Задворки жизни, необходимое зло! Не больше этого! Я, товарищъ, знаю рабочихъ, знакомъ и съ рабочимъ движеніемъ и со всѣмъ тѣмъ, что вы, какъ социаль-демократъ, будете мнѣ о рабочемъ движеніи говорить. И я вотъ что скажу. Борьба для рабочихъ только потому и нужна, что безъ нея рабочий классъ въ цѣломъ не получить доступа къ жизни. Наука, литература, искусство, театръ — все для него закрыто. Даже лучшіе уголки земли для него закрыты.

Онъ, какъ слѣпой кротъ подь землю, живетъ. А жизнь нужна ему. Отсюда историческая необходимость борьбы пролетаріата. Я борьбу признаю. Но она — только средство, а жизнь — цѣль. И глупо средство ставить выше цѣли и цѣнить наравнѣ съ цѣлью. Глупо ради чего бы то ни было другого отказаться отъ жизни съ ея красотой!

Желѣзнякъ говорилъ увѣренно и съ воодушевленіемъ, какъ о вещахъ, о которыхъ онъ много думалъ. Я первый разъ встрѣчался съ подобной постановкой вопроса у бывшаго революціонера-рабочаго, и потому слушалъ его съ интересомъ.

— Вѣдь я могъ, — говорилъ онъ, — прямымъ путемъ, никого не дожидаясь, вступить въ жизнь. А вмѣсто того пошелъ самымъ длиннымъ, самымъ труднымъ путемъ... жизнь прошла мимо меня, и я не видалъ ее. И сколько рабочихъ сдѣлало ту же ошибку!

— А какъ же должны были бы всѣ они поступить?

— Да мало ли есть путей? Учиться! Черезъ желѣзнодорожное училище, черезъ ремесленную школу, черезъ какое-нибудь штейгерское или электро-техническое училище можно въ люди выйти. А въ крайнемъ случаѣ — просто пошелъ бродяжить, хоть безъ гроша въ карманѣ! Трудно развѣ по образу пѣшаго хожденія всѣ страны исходить, все видѣть, все слышать! Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ! Пока у насъ будетъ революція, да конституція, да парламентъ, да борьба за социализмъ, да пока мы до социализма доберемся, не только насъ самихъ — дѣтей нашихъ въ живыхъ не будетъ, внуковъ нашихъ кости въ землѣ сгніютъ. Значитъ, сколько поколѣній напрасно жизнь свою отдали! Сколько людей, ради какого-то туманнаго будущаго, отъ жизни, отъ настоящаго отказались! А я жить хочу здѣсь, теперь, и ни для кого, ни для чего не откажусь я отъ этого.

— То-есть, вы проповѣдуете погоню за личнымъ мѣщанскимъ благополучіемъ?

— Я не знаю, какъ вы назовете то, что я проповѣдую, но вамъ трудно безпристрастно судить объ этомъ. Вы вѣдь въ какой обстановкѣ выросли? Вы гдѣ только не бывали, чего только не видѣли, прежде чѣмъ революціонеромъ сдѣлались. Наука, искусство, культурная жизнь — все для васъ было открыто, всего вы попробовали. Значитъ, вы отъ жизни все, что могли, получили и, когда насытились, встали изъ-за стола. Вы отъ этого отказались, чтобы больше получить. А мы? Я про себя вамъ скажу. Въ театрѣ я за всю жизнь раза два-три былъ, и то на самыхъ дурацкихъ пьесахъ. Въ книжкахъ я снимки съ картинъ знаменитыхъ художниковъ разсматриваю, а картины настоящей никогда не видалъ... Только лубки видѣлъ, да иконы. На берегу моря я никогда не былъ, горь никогда не видѣлъ настоящихъ. Кромѣ южныхъ трехъ-четырехъ губерній, ничего, какъ есть, не видалъ. Что же изъ жизни я взялъ: дымныя улицы, мастерскія, да наше подполье! Нѣтъ, мало мнѣ этого. Я теперь читаю какую-нибудь книгу — хоть по биологіи, хоть по геологіи или по астрономіи, и прямо до слезъ обидно становится, что прошлые годы не употребилъ я на то, чтобы жить, учиться, пользоваться всѣмъ міромъ. Вѣдь могъ я это сдѣлать, а погнался за призракомъ.

Желѣзнякъ замолчалъ, но затѣмъ снова заговорилъ:

— Мнѣ не матеріальныхъ жертвъ жалко. Нѣтъ. Я бы съ радостью голодалъ, я босикомъ бы всю Европу исходить, чѣмъ угодно добывая себѣ кусокъ хлѣба, только бы видѣть жизнь. Мнѣ жалко безплодно потраченныхъ лѣтъ и силъ своихъ. Вѣдь ихъ не вернешь.

— Значитъ, съ революціей вы навсегда порвали? — спросилъ я Желѣзняка.

— Навсегда. Я уважаю революціонеровъ, какъ чест-

ныхъ и искреннихъ людей, уважаю ихъ за ихъ нравственную силу. Но съ вами я не пойду. Для меня вы — слѣпые люди, вы за призракомъ гонитесь, когда достаточно протянуть руку, чтобы взять все, чего хочешь... Впрочемъ васъ обращать въ свою вѣру я не намѣренъ, но и вы меня не агитируйте. У меня свой путь, у васъ, — свой. Лучше вы мнѣ здѣсь о силикатахъ объясните: въ геологiи здѣсь что-то запутанно изложено.

Переспорить его было невозможно. Въ немъ не было стремленiя къ мѣщанской сытости или къ чувственнымъ наслажденiямъ жизни, и въ его страстной любви къ жизни, въ его стремленii все взять отъ нея не было ничего пошлаго, отталкивающаго. Но все же и въ отказѣ Желѣзняка отъ борьбы, въ его желанii не измѣнить жизнь, а взять ее такой, какова она есть, въ его своеобразномъ индивидуализмѣ мнѣ чужалось дѣйствiе желѣзной рѣшетки.

Въ этомъ человѣкѣ было много общаго съ «полѣвѣвшими» индивидуалистами, но его отличалъ отъ нихъ прямой и честный отказъ отъ революцiи. И, «поправѣвъ», онъ остался человѣкомъ, увѣреннымъ въ себѣ и въ своихъ силахъ, но въ его лицѣ — еще одна голова склонилась передъ мощью желѣзной рѣшетки.

Среди бывшихъ революцiонеровъ-рабочихъ встрѣчались люди, единственный пунктъ «поправѣнiя» которыхъ заключался въ томъ, что они утратили вѣру въ социализмъ. Цѣлый рядъ условiй способствовалъ утратѣ этой вѣры: разочарованiе въ собственныхъ силахъ, разочарованiе въ рабочемъ движенii, измѣненiе масштаба для измѣренiя времени историческихъ событiй. Нѣкоторые начинали скептически относиться къ осуществимости социализма подѣ влиянiемъ знакомства съ исторiей социальныхъ движенiй.

— На что намъ революцiя, на что намъ измѣненiе политическаго строя, если рабство наемнаго труда, угнетенiе

нiе бѣдныхъ богатыми, эксплуатацiя и неравенство составляютъ вѣчный законъ жизни? Тысячи лѣтъ уже люди стараются установить на землѣ равенство, и всегда эти попытки кончались ничѣмъ. Гибли только тѣ, кто пытался измѣнить строй жизни, и гибли безсмысленно, безъ слѣда и безъ пользы. А мы повторяемъ теперь ихъ ошибку.

Такъ, или приблизительно такъ, разсуждали извѣрившiеся, и въ подтвержденiе своего скептическаго отношенiя къ социализму каждый изъ нихъ приводилъ свои доводы. Но сквозь всѣ ихъ разсужденiя проглядывалъ одинъ невысказанный мотивъ: борьба оказалась слишкомъ трудной, жертва слишкомъ тяжелой, кремнистый путь къ будущему слишкомъ длиннымъ. И вотъ, люди, которые взялись поутру за дѣло, не взвѣсивъ своихъ силъ, оставались въ сумерки истомленные и измученные, опускали руки къ землѣ и говорили:

— Ничего не выйдетъ. Это дѣло безнадежное.

И, какъ безнадежное, они бросали это дѣло.

Я наблюдалъ случаи, когда подѣ тяжелымъ гнетомъ желѣзной рѣшетки сдавались люди сильные и смѣлые, незнакомые со страхомъ, единственное несчастье которыхъ заключалось въ томъ, что они чутко, слишкомъ болѣзненно ощущали горе и страданiе ближнихъ. Про одного такого человѣка, павшаго подѣ тяжестью окружавшихъ его страданiй, я хочу разсказать.

Я встрѣтился съ нимъ въ слѣдственной камерѣ N-ской тюрьмы. Съ первой же встрѣчи онъ приковалъ къ себѣ мое вниманiе.

Есть лица, которыя въ тысячной толпѣ бросаются въ глаза, которыя съ перваго же раза врѣзаются въ память, такъ что впоследствии забыть ихъ невозможно. У Матвѣя было такое лицо: блѣдное, продолговатое лицо, обрамленное мягкой свѣтлой бородой, темно-каштановые длинные волосы и глаза необыкновенно красивые, глубоко